

Церковь Рождества Христова была выстроена местным жителем Андреем Наумовичем Пешехоновым, сделавшим состояние на постройке барж. Недалеко и особняк баржестроителя, краснокирпичный, увесистый. Далее по Печорскому тракту не встретишь богатых и нарядных хоромин.

Камгорт. Введенская церковь интересна тем, что под гранёным восьмиугольным куполом у неё и основное храмовое пространство восьмериком — аки дворец Хрисотриклин (позволим себе ещё одно воспоминание

о Византии) императора Юстина Куропалата. Во Введенской венчался ссыльный Клим Ворошилов. В Камгорте имелся и музей красного маршала, но недавно сгорел. Там же погибли картины Тумбасова...

...Тут позволю себе отступление. Картины Тумбасова сейчас действительно под опасностью утраты. Пора бы его вспомнить, оценить по настоящему, возвести наконец в ранг крупного пермского genius loci, как то успели сделать с Иваном Репиным до его ухода. Репин — классик авангарда, Тумбасов, безусловно, соцреалист. Но его «суровый стиль» транслирует самое

важное об ушедшем советском времени, сосредоточивая зрителя на людском незамысловатом быте, на повседневных обыденностях. Суть и фактуру тогдашнего времени передаёт даже особое состояние природы. Вспоминается полотно, на котором изображался последний, уже по свинцовой воде и под зарядами мокрого снега, рейс речного трамвайчика от Мотовилихи до Верхней Куры. Оно висело то ли в редакции многотиражки «Мотовилихинский рабочий», то ли в одном из домиков журналистской базы отдыха «Сухая речка», давно уже профуканной, и, скорее всего, погибло. И кто знает, сколько работ Тумбасова так же безвозвратно исчезли. Хорошо хоть в Пожве умудрились сохранить картины, реконструирующие начало истории пожжевского завода, где художник «сурового стиля» являет себя изящным мастером рококо — правда, место амуров и пастушек занимают каннелированные колонны, коими античность проникла в горнозаводские цеха, и самовароподобный, рдеющий золотистостью рокайля паровоз, едва не постмодерновый.

...Ехали как-то зимой 1613 года ныробские купцы из Печорского края и увидели в поле икону, вокруг неё — горящие свечи, а снег вокруг нетоптанный. Подобрали, разглядели: Николай Чудотворец. Отвезли находку в Чердынский монастырь. Вернулись в Ныроб, глядь — а икона-то вернулась на прежнее место. Так повторялось три раза. Стало быть, не желал Николай обитать в Чердыни, значит, выбрал он себе дальше, в разбойничьей тайге сокрытое село.

Икона дала имя ключу на окраине посёлка. Там её, по легенде, прятали во время «нападений врагов», но что это были за враги, уже при Романовых-то, местные жители сказать затрудняются. Родник и часовенка обрамлены декорациями из древнерусских опер Римского-Корсакова: еловый полусумрак в низинке, насыщенная ионами серебра струйка шевелит опавшую влажную хвою, время дышит вечностью.

Явленную икону не уберегли от врагов в XX веке. Тогда же Ныроб понёс немало потерь: колокольную, что стягивала храмовый ансамбль в единый небесный порыв, снесли в 1934 году, заодно